

Моей жене Марджери

В мире много сил великих, но сильнее человека нет в природе ничего. Мчится он, непобедимый, по волнам седого моря, сквозь ревуший ураган. Плугом взрывает он борозды вместе с работницей-лошадью, вечно терзая Праматери неутомимо рождающей лоно богини Земли.

Зверя хищного в дубраве, быстрых птиц и рыб, свободных обительниц морей, силой мысли побеждая, уловляет он, раскинув им невидимую сеть. Горного зверя и дикого поработывает он хитростью, и на коня густогривого, и на быка непокорного он возлагает ярмо.

Создал речь и вольной мыслью овладел, подобный ветру, и законы начертал. И нашел приют под кровлей от губительных морозов, бурь осенних и дождей. Злой недуг он побеждает и грядущее предвидит, многомудрый человек. Только не спасется, только не избегнет смерти никогда.

Софокл «Антигона»¹

И благословил я тогда естество пса и жабы, истинно, восхотел я приять естество пса или жеребца, ибо ведал, что не имут души, обреченной гибели через вековечное бремя Прегрешения или Ада, подобно душе моей. Но хотя я сие зрел, сие чувствовал и сим сокрушен был, безмерно печаль моя приумножилась, ибо сколь ни искал я в душе своей, но не находил там готовности обрести спасение.

Джон Беньян, «О благодати, ниспосланной величайшему из грешников».

Wer immer strebend sich bemüht, den können wir erlösen.

Чья жизнь в стремлениях прошла, того спасти мы можем.

Гёте «Фауст»²

¹ Перевод Д. Мережковского.

² Перевод Б. Пастернака.

1

Две горные гряды пересекают республику приблизительно с севера на юг, образуя меж собой множество долин и плоскогорий. На краю одной из таких долин, у подножия двух высоких вулканов, на высоте шести тысяч футов над уровнем моря приютился городок Куаунауак. Он расположен к югу от тропика Рака, а точнее говоря, близ девятнадцатой параллели, примерно на одной широте с островами Ревилья-Хихедо, что лежат к западу от него в Тихом океане, или, если проследить еще западнее, с южной оконечностью Гавайского архипелага, а к востоку — с портом Цукох на Атлантическом побережье полуострова Юкатан, у границы Британского Гондураса, или, гораздо восточнее, — с портом Джаггернаут в Индии, на берегу Бенгальского залива.

Город стоит на взгорье, обнесен высокими стенами, улицы и переулки его петлисты и запутанны, дороги извилисты. С севера сюда ведет великолепное шоссе, проложенное по американскому образцу, но оно теряется в тесных улочках, превращаясь в простую тропу среди горного бездорожья. В Куаунауаке восемнадцать церквей и пятьдесят семь питейных заведений. Среди прочих его достопримечательностей можно отметить поле для игры в гольф, не менее четырехсот обществен-

ных и частных плавательных бассейнов, питаемых неиссякаемыми горными родниками, а также множество роскошных отелей.

Отель «Казино де ла Сельва» стоит еще выше города, на ближнем склоне, подле вокзала. Он выстроен вдаль от шоссе, среди зелени садов, и украшен террасами, с которых открывается вид далеко на все стороны света. Царственное его великолепие исполнено скорбным духом померкшего блеска. Ныне казино уже не существует. Даже сыграть в кости на стакан вина здесь невозможно. Призраки разорившихся игроков витают повсюду. И никто не купается в превосходном бассейне. Трамплины цепенеют в унылом запустении. Спортивные площадки поросли травой. Лишь два теннисных корта от сезона к сезону содержатся в относительном порядке.

В предвечерний час, на исходе Дня поминовения усопших, в ноябре 1939 года, двое мужчин в белых фланелевых брюках сидели на большой террасе «Казино», потягивая анисовую настойку. Они уже сыграли несколько партий в теннис, а потом в бильярд, и теперь ракетки их в непромокаемых футлярах — треугольном у доктора и квадратном у его партнера — лежали перед ними на балюстраде. Когда траурные процессии, спускавшиеся с кладбища по извилистой тропе, приблизились, оба услышали протяжное пение; повернув головы, провожали они глазами печальное шествие, которое теперь удалялось, и вот уже стали видны лишь сиротливые огоньки свечей, плутовавшие где-то вдаль, по кукурузному полю. Доктор Артуро Диас Вихиль подвинул бутылку анисовки мсье Жаку Ляруэлю, который сидел недвижимо, подавшись вперед всем телом.

Чуть правее и ниже террасы, под сенью неохватного пламенеющего небосвода, алой кровью окропившего безлюдные бассейны, которые сверкали всюду, куда ни глянь, словно вездесущие миражи, безмятежно и благодатно покоился город. Отсюда казалось, будто и в самом деле ничто не возмущает эту безмятежность. Но если прислушаться внимательно, как это сделал теперь мсье Ляруэль, можно было различить отдаленный, нестройный гул, явственный и вместе с тем сливавшийся с невнятным ропотом и монотонными воздыханиями траурных шествий, словно звучало какое-то пение, то всплескиваясь, то замирая, и неумолчные, глухие шаги — шум и разноголосица фиесты продолжались весь день.

Мсье Ляруэль налил себе еще рюмку анисовки. Он пил анисовку, потому что она чем-то напоминала ему абсент. У него покраснелось лицо и подрагивала рука, державшая бутылку с цветной этикеткой, откуда румяный чертик угрожал ему вилами.

— ...Я пытал сделать ему убеждение уехать отсюда и становиться... *déalcoolisé*¹, — говорил доктор Вихиль. — Он запнулся на французском слове и продолжал по-английски: — Но на следующий день после бала я сам имел такое нездоровье, что совершенно осложнился на весь организм. И это есть плохое дело, потому что мы, врачеватели, обязаны совершать деяния, как будто апостолы. Вы же помните, в тот день мы, подобно теперь, сыграли теннис. А когда я повидал консула в его саду, я слал свою слугу узнавать, не угодно ли ему на минутку, милости просим, жаловать мне

¹ Излеченным от алкоголизма (*франц.*).

визит, а когда не угодно, пускай хотя бы даст узнать по записке, есть ли он еще живой через свое пьянство или уже не есть.

Мсье Ляруэль улыбнулся.

— Но они уже там не были, — продолжал доктор, — и тогда, безусловно, я решил узнавать от вас, заставляли вы его дома или не заставляли.

— Когда вы позвонили мне, Артуро, он был у меня.

— Ну, я, конечно, это знаю, только в ту ночь мы так мертвецки напили себя и были так абсолютментно *borrachos*¹, что консул, наверное, заболел, мне подобно, и даже был похмельней меня. — Доктор Вихиль покачал головой. — Болезнь не содержит себя только в теле, она содержит себя и там, где общепринято называть «душа». Ваш друг, который был бедняга, ни с какой стати сорил деньги, и жизнь его была сплошная трагедия.

Мсье Ляруэль допил анисовку. Он встал и подошел к балюстраде; облокотясь о лежавшие там теннисные ракетки, он взглянул вниз на одичавшие, заросшие травой площадки, на безжизненные теннисные корты, на фонтан, расположенный совсем рядом, посреди главной аллеи, куда привел лошадь на водопой какой-то крестьянин с кактусовой плантации. Двое молодых американцев, юноша и девушка, затеяли в этот поздний час играть в пинг-понг на нижней веранде. Свершившееся год назад, в этот самый день, представлялось теперь бесконечно далеким, словно с тех пор прошло целое столетие. Казалось, все это канет, как капля в море, среди сегодняшних треволнений. Но

¹ Пьяны (*исп.*).

нет, это не так. И хотя трагедия мало-помалу отдалается и обесмысливается, все-таки ему еще памятли те дни, когда каждая человеческая жизнь имела самодевлеющую ценность, а не забывалась после ошибочного упоминания в коммюнике с театра войны. Он закурил. Далеко слева, на северо-востоке, за долиной и уступчатыми предгорьями Восточной Сьерра-Мадре высились два вулкана, Попокатепетль и Истаксиуатль, горделиво сиявшие в пламени заката. Чуть ближе, милях в десяти, внизу, под главной долиной, виднелся поселок Томалин, уютно пристроившийся у самого леса, где над деревьями тонкой голубой струйкой противозаконно курился дымок от костра углежога. Впереди, по ту сторону американизированного шоссе, лежали поля и рощи, рассеченные излучинами реки и дорогой на Алькапансинго. Тюремная вышка торчала над лесом, меж рекой и дорогой, которая исчезала вдаль, за сиреневыми склонами, словно скопированными с иллюстраций Доре к «Раю». Выше, в Куаунауаке, вдруг вспыхнули огни единственного городского кинематографа, стоявшего на крутом склоне, поодаль от домов, мигнули, погасли и вспыхнули снова.

— «No se puede vivir sin amar»¹, — сказал мсье Ляруэль... — Как написал этот estúpido² на стене моего дома.

— Ладно, amigo³, отведите свою душу, — сказал доктор Вихиль, стоявший у него за спиной.

— ...Но, hombre⁴, ведь Ивонна вернулась! Этого мне никогда не понять. Она вернулась к нему! — Мсье Ля-

¹ «Невозможно жить без любви» (*исп.*).

² Глупец (*исп.*).

³ Друг (*исп.*).

⁴ Приятель (*исп.*).

руэль подошел к столику, налил себе стакан теуаканской минеральной воды и выпил залпом. Потом сказал:

— Salud y pesetas.

— Y tiempo para gastarlas¹, — задумчиво отозвался его друг.

Мсье Ляруэль взглянул на доктора, который, позевывая, полулежал в шезлонге, на этого мексиканца с красивым, до невероятия красивым, темным, непроницаемым лицом, на его добрые, глубокие, карие глаза, как у тех прелестных и печальных индейских детишек, которых можно увидеть в Теуантепеке (этом земном раю, где женщины работают в поте лица, а мужчины с утра до вечера купаются в речке), на его маленькие, тонкие руки с нежными запястьями, где на тыльной стороне щетинились неожиданно жесткие черные волосы.

— Я давно уже отвел душу, Артуро, — сказал он по-английски, вынул изо рта сигарету и держал ее в тонких, нервных пальцах, слишком уж щедро, он сам знал это, унизанных кольцами. — И даже больше того...

Мсье Ляруэль заметил, что сигарета его погасла, и выпил еще анисовой.

— Con permiso². — Доктор Вихиль с такой непостижимой ловкостью извлек горящую зажигалку, словно она уже горела у него в кармане и он исторг пламя из своего тела, — движение руки и появление огня были нераздельны; он поднес зажигалку мсье Ляруэлю. — А вы хоть раз шли в здешнюю церковь всех скорбящих? — спросил он вдруг. — Там есть статуя Пресвятой Девы, покровительницы всякому, который есть один как перст.

¹ — Будьте здоровы и благополучны.

— И живите, дабы этим пользоваться (*исп.*).

² С вашего позволения (*исп.*).